РСФСР
Пермь
Театр оперы
балета

13/XII-91

Обыкновенный беспредел

Берем на себя смелость утверждать, что провинциальный театр обречен. Поводом для такой, быть может, резкой оценки послужила наша командировка в Пермь, в здешний Театр оперы и балета, впечатлениями о котором мы поделимся ниже. Весь ужас в том, что увиденное нами — те нормальное состояние, в котором существует уже не первое поколение не только актеров, но и простых людей, нищенствующих в некогда одной из богатейших держав. Весь ужас еще и в том, что очень непросто сейчас даже предвидеть воскрешение провинциальной сцены — недалек тот день, когда с этих подмостков уйдет последний подвижник, просто озверевший от бреда и ужаса окружающей действительности. И тогда...

И вот тогда наши пермские наблюдения, проиллюстрированные словами здешних театралов, наверное, и станут тем диагнозом смерти, о котором до сих пор мы не слишком говорить приходило, чем на деле обмениваем только самих себя.

Мы не пытаемся объять необъятное. Всего-навсего пробуем выстроить проблемы в один ряд, не разделяя их на главные и второстепенные. А уж способна ли система реанимировать то, что умерло,— покажет только время. Дай Бог, чтобы была способна. Ибо возвращать нужно не просто традиции некогда блиставшего театра. Возвращать, наверное, нужно все вкупе...

ЗДЕСЬ НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ В БЕЛЫХ КРОССОВКАХ

Пожалуй, мы были бы не совсем объективны, начав разговор о Пермском театре с самого театра. Вот только некоторые штрихи местной жизни, наверняка напоминающие жизнь других российских городов.

Магазинный стиль — «шаром покати». Подсолнечного масла — 300 граммов на квартал. Пять коробков спичек — не тот же срок. (Примерно 3 спички в день на душу населения). Лет двадцать в городе нет свежего мяса — во всяком случае молодое поколение знает о нем понаслышке. Грязь на улицах несусветная — белые «тенки» разлетятся по лоскуткам, не продержавшись даже до первого дождичка.

Плюс транспорт, который горожане штурмуют с утра и до позднего вечера. Плюс надписи на деревянных трущобах, призывающие спасти хотя бы детей — обитателей этих диких для цивилизации жилищ. Плюс трубы, трубы, трубы, падящие в небо сажей, словно эскадра бравых броненосцев — день застойной обороной политике. Плюс... Вернее, один огромный минус...

Все знакомо. До боли. До такой, что и орать уже, кажется, бессмысленно. И каждый, стиснув зубы, бредет, себя на уме, настречу Бог еще знает чему. Море угрюмых лиц...

Каждое утро актер, танцующий или поющий ведущие партии, проходит в театр через эту приземленную жизнь. Через ежеминутно возникающую злобу, через постоянное унижение, к которому невозможно привыкнуть. И каждый вечер слешит на сцену, к тем людям, которые, унизив его, в свою очередь оказались сами униженными до беспредела.

«ГОРОДУ ТЕАТР НЕ НУЖЕН»...

Конечно, директора мы обойти никак не могли. Все ж самый главный, кто за театр отвечает. Правда, в нынешние времена трудно понять, перед кем и за что. Наверное, перед потомками — за то, что многое видел и многое просто не мог сделать, чтобы театр сберечь. Впрочем, слово самому директору — Михаилу Арнопольскому.

— Сегодня в Перми театр не нужен, ибо решение любых проблем находится только в стадии разговоров. Мы год (!) разговариваем о реконструкции театра. Проведена вся подготовительная работа. Найдена югославская фирма, предоставившая на только проект, но и вложившая в него уже круглянькую сумму в триста тысяч долларов. Все одно — никто не хочет брать на себя ответственность. И это происходит в то самое время, как четыре года театр не принимает комиссия из-за аварийной ситуации в здании. И я своей властью решаю — будем работать, хотя сочатся трубы, не работает ни одна система пожаротушения, да и теснота — просто дышать нечем: в одной гримерке готовятся к выходу на сцену по двадцать человек. И если завтра под рухнувшей люстрой погибнут люди, сидеть буду тоже я.

Мы открываем сезон, это двадцатый по счету, но скажу честно: если до 1 января не подпишем контракт — здание будет опечатано.

Председатель облисполкома в конце концов слово «да» произнес. Но все застряло в кабинетах понизе. Пока решение «движется», мы будем вынуждены начать играть по дворцам и клубам, откуда, уж точно, полтруппы сразу разбежится. А югославы в разработке проекта учли наши пожелания провести реконструкцию без выселения труппы, взявшись все выполнить за два года.

Самое интересное, что для нормальной работы сейчас мне меньше другого нужны финансы. Деньги есть — и облисполком не жмотствует, и хорошо относятся к нам новые коммерческие банки. Но опять-таки нонсенс — я не имею права хорошо платить людям. Конечно, удается выкручиваться за счет разного рода придумываемых нами надбавок. Но завтра мы не выполним план — и все. А связывает нас по рукам министерский приказ об окладах — анахронизм эпохи застоя.

Если все-таки все не рассыплется, мы попытаемся, наверное, стать независимым театром. Заявим, что выходим из подчинения Министерства культуры России, ибо сегодня для нас оно ничего не значит. Денег от него мы не получаем. Даже то, что министерцы обязаны делать, они не делают. Для чего же там целые службы? А при этом они подписывают с нами договор и берут с нас 15 процентов. И мы еще счастливы.

Недавно я был в Мюнхене, в Национальной опере. И когда узнал, что государство выделяет театру 60 миллионов марок дотации в год, вы понимаете, какое у меня было состояние. А наш театр — один из самых крупнейших и посещаемых в стране — получил в прошлом году всего 800 тысяч рублей. Всего! А это означает, что когда начинаешь одевать-обувать спектакль, считаешь каждую копейку. Сейчас, к примеру, мы должны переодевать оркестр. Подсчитали — только это нам обойдется в 200 тысяч рублей.

На сегодняшний день на спектакль нам нужно несоизмеримо больше денег, чем раньше. Если еще недавно кусок ткани стоил 7 рублей, то теперь — 70—80. А для того чтобы его еще и купить, я собственноручно беру 3—4 комплекта лысьвенской посуды и... раздаю взятки (я это не скрываю), получая взамен нужный театру тюль.

Впрочем, сегодня сильнее финансовых — проблемы бытовые. 72 человека у нас живут в гостиницах: и опера, и балет, и оркестр. В Перми нет консерватории, и мы вынуждены привозить практически каждого музыканта, каждого солиста оперы.

Другая проблема. Артисты — это чуть ли не единственные в мире люди, у которых разрывной рабочий день. Они приходят каждый день к десяти, репетируют, занимаются до часу, а то и больше. Второй раз приходят к шести вечера, уже на спектакль. Где и когда им отоварить те талоны, которые введены для «лучшего снабжения населения»? Тем более что часто в театре работают и муж, и жена. Мы обратились к народным депутатам с просьбой — нам на нужно ничего дополнительного, дайте нам возможность отоварить то, что положено. Отказ. Это, оказывается, привилегия.

Как должен выглядеть артист, выходящий на сцену, вы, наверное, представляете. Мы попросили помочь нам приобретать раз в год по одной паре обуви. На спектакли шьем сами, а для концертов не можем. Снова отказ — это тоже привилегия, а мы же с ними боремся.

И в двух словах о гастролях. В нынешней ситуации при возросших ценах на транспорт и гостиницы нам выгоднее отпустить людей на лишний месяц отпуска. Что мы и сделаем — статус академического театра это позволяет. Раньше на гастролях доходы покрывали лишь 50 процентов расходов. Остальное — из своей же дотации. И вот мы решили, почему сами должны платить деньги за свое же искусство, которое показываем в другом городе! Пусть тот город и доплачивает. А нет — деньги лучше будем тратить на себя — лишний день проведем дома, с детьми.

Начинает в нашем театре возникать проблема зрителя. Когда я пять лет назад пришел в театр, то резко поднял цены на билеты. Как резко? Было — 1.60. Это в театр. А в баню билет стоил 3 рубля. Сегодня у нас — 3.20—3.90. Премьера — 4.50. Мы пережили тяжелые полгода, пока зритель привыкал к новым ценам. Но выше поднимать нельзя — мы отрежем от театра целый слой публики. Ведь во всем мире в местные театры ходит житель среднего достатка.

Наступают трудные времена. Наше государство бедно, но если оно бросит театр на произвол судьбы, станет еще беднее...

«КАК ПРИДЕШЬ В ЭТОТ ХЛАМ...»

Представьте себе, особо не напрягая воображение, главную гостиницу миллионного города. Считается — «Интурист». В ней живет, как прозвучало в монологе директора театра, 72 артиста. Мы остановимся на рассказе об обитании здесь (извините, иначе назвать не поворачивается язык) ведущих танцовщиков пермского балета — Виталия Полищука и Натальи Моисеевой, хотя условия многих других достойны того же самого описания. Итак, Виталий бытует здесь уже пять лет, с первого дня своего пребывания в театре. Наталья — 4 года, тоже с первой театральной репетиции.

В комнате метров двенадцати площадью умещается все — и кухня, и спальня, и вещевой склад. Многое так и не распаковано — в коробках. Всех бытовых прелестей — видик, который работа привезли после гастрольной поездки в Германию. Это все. За жилище театр ежедневно отстегивает гостинице четвертной денежный билет. Актеры — пока восемьдесят рублей в месяц.

Чтобы как-то сберечь видик, работа подумывали врезать в дверь дополнительный замок — вокруг уже почистили не один номер. Ни-зя! А вдруг что выйдет: вдруг пожар или пермобыль какой случится?.. Все, сложом, по инструкции. Не по инструкции лишь бытовуха, которая заедает.

Заедает так, что, пардон за интимные подробности, Наташа откровенно призналась нам, что боится здесь забеременеть. И, не дай бог, родить. Представьте, не потому, что как-то ребенок помешает карьере. А потому, что не станет рожать, живя в гостинице. Не по прихоти своей. Хотела бы... И пыталась уговорить себя и мужа. Не смогла...

А Виталий за прошедшую гостиничную пятилетку уже успел заработать себе гастрит и язву — итог питания кое-как и чем попало.

У ребят есть предложения уехать. Но они пока надеются, что все здесь устроится. Ведь они — ведущие. Лучшие, если хотите. И больше всего их держит возможность быть в своем театре на первых позициях. Они живут танцем, и, пока молоды, еще и оптимизмом. Правда, потихоньку нет-нет да слышится робкий голос протеста. Фраза, вынесенная в заголовок этого рассказа, сказана Наташей. Как-то интеллигентно и робко. С неловкостью человека, предпочитающего с журналистами говорить о балете. Иными словами — о жизни в искусстве, а не о происходящем за окном.

А хлам то — рядом...

«Я ЗАВИДУЮ СЕРОСТИ...»

Так интригующе ответила на наш вопрос лучшая оперная певица Пермского театра Лариса Мамедова.

— Любая оперная певица может завидовать высокопрофессиональному окружению, интересной творческой атмосфере, царящей в театре, и которой в нашем театре на сегодняшний день нет, как, наверное, и во многих театрах страны.

— А вы давно здесь поете?

— Уже седьмой сезон. Меня пригласил сюда после второго курса Свердловской консерватории Эмиль Пасынков. Я ему очень благодарна, как и дирижеру Анисимову, который во многом на первых порах помогал мне. Начала с самых маленьких ролей. Теперь пою весь ведущий репертуар: «Кармен», «Аида», «Бал-маскарад», «Князь Игорь», «Хованщина», «Севильский цирюльник». Что не пою? Марину Мнишек в «Борисе Годунове» и Азучену в «Трубадуре». О ней я просто мечтаю.

— А что мешает?

— ...Вот вы сказали: «звезда» пермской оперы. Я этого положения и состояния не ощущаю. О человеке у нас вспоминают, когда нужно заткнуть «дырку». Только у нас в театре, нигде больше в стране, идет редакция «Орлеанской девы» для меццо-сопрано. Никто, кроме меня, не поет. Так же, как и «Севильский цирюльник» Россини. Композитор партию Розины писал для меццо. Наверное, не все могли справляться, поэтому партия перешла к колоратуре. В Союзе мало кто поет Розину в авторской редакции. И что? Никакой оценки.

— Отчего? Оттого, что театр варится в собственном соку! Или другие причины? Ведь театр гастролирует, пользуется известностью.

— Театр варится в собственном соку. Какие гастроли? Только летнего периода и по стране. На Запад наша опера не выезжает. Балет, да — ездит. И я думаю, это не особо нужно дирекции.

Знаете, самая страшная проблема на сегодняшний день, по-моему,— зритель. У нас не стало зрителя, который смог бы по-настоящему оценить. Ушел подлинный ценитель. Театры почти ничего для привлечения публики не делают. Вот, например, «Орлеанская дева». Спектакль ставился в Большом театре. У нас — премьера в рамках фестиваля опер Чайковского. А в городе никакой рекламы. И зрителей — ползала.

— Видимо, об этом должен заботиться сам театр!

— Конечно. Сколько времени об этом говорится. И что?

Выходишь на такую сложнейшую партию. Нужна аура из зала. Отклик. Можешь бояться, волноваться, но должна быть творческая поддержка, оценка своей работы. Обидно — получается: сам для себя.

Вообще, я иногда желаю, что живу в это время. Я хотела бы жить в начале XX века, в 20—30-е годы, когда были знатоки. Они на позволяли опуститься.

— Вы знаете, что театр, возможно, закроют с января!

— Что-то слышала... Сложно менять город, где выросла, где живут родители. Но уже давно пришла к выводу, что нужно уезжать, невзирая ни на что! Иначе можно погибнуть. Начинаю здесь задыхаться.

— Обстановка в театра характерна для всей периферии или есть отличия!

— Периферийность есть. Исчез интерес к личности, отдельному имени. Создаются ложные «звезды». Это я не от зависти. Просто возникает вопрос: на что равняться? Рядом стоит серость. Что от нее взять, чему научиться? Лучше уж привозили бы гастролеров...

Может создаться впечатление, что наше исследование поверхностно. Скорее серия набросков, чем нечто выписанное и сложенное в единую картину. Оговоримся сразу — мы не преследовали цель расставить все точки над «и». Мы просто увидели своими глазами руины не только блиставшего некогда театра, но и руины человеческих судеб. Нам вряд ли удастся самим решить все проблемы. Мы всего-навсего — журналисты. Но нам вовсе не безразлично, как сложится судьба совсем молодых ребят, к которым напоследок мы зашли в Пермское хореографическое училище. Посмотрели на усилия школяров и не пожелали быть нечестными. Ведь они уже и без нас многое понимают. И, заканчивая училище, сразу бросаются в столицы, понимая, что периферия принесет лишь трудности и лишения. И исчезают на столичных театральных задворках. А ведь за ними, банально сказано, но факт — будущее...

Татьяна РЫБАКИНА,
Алексей БЕЛЯНЧЕВ.